

ПОЛИНА САНАЕВА

ЧЁРНАЯ ВОДОЛАЗКА

иллюстрации Анны Горвиц

Полина О. Санаева
Черная водолазка
Серия «Женщина-женщина»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8682394

Чёрная водолазка / Полина Санаева, иллюстрации Анны Горвиц; Эксмо;

Москва; 2020

ISBN 978-5-04-103503-7

Аннотация

Книга рассказов Полины Санаевой – о женщине в большом городе. О ее отношениях с собой, мужчинами, детьми, временами года, подругами, возрастом, бытом. Это книга о буднях, где есть место юмору, любви и чашке кофе. Полина всегда найдет повод влюбиться, отчаяться, утешиться, разлюбить и справиться с отчаянием. Десять тысяч полутонов и деталей в описании эмоций и картины мира. Читаешь, и будто встретил близкого человека, который без пафоса рассказал все-все о себе. И о тебе. Тексты автора невероятно органично, атмосферно и легко проиллюстрировала Анна Горвиц.

Содержание

Женщина-женщина	7
Черная водолазка	8
Осеннее обострение	27
Романтика и трусы	27
В пледы	32
Эми	35
Встроенный фильтр	37
Рай для интроверта	41
Разговоры из воздуха	46
Питерские разговорчики	51
Григорий Соколов	54
После вас	59
Кокон истории	62
Серебряная женщина	68
Фантомные боли	74
Пережить ноябрь	79
Экзотика и нежность	84
21 октября	87
Чистый восторг	92
Бабья осень	96
Полгода зима	99
Зима как предчувствие	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Полина Санаева

Чёрная водолазка

Полина Санаева – автор замечательных рассказов. Она владеет весьма редким даром говорить о том, что ее пугает и мучает. На фоне всеобщего хвастовства и самодовольства ее книга поражает интимностью. Наедине с ней читатель может признаться себе во всем. Даже в том, о чем молчит наедине с собой.

Дмитрий Быков, поэт, писатель, публицист, теле- и радиоведущий

Как бы мне хотелось однажды посмотреть сериал, снятый по сценарию Полины Санаевой. Пусть это будут вот такие картинки жизни, как те, что собраны в этой книге. Как будто без одной сюжетной линии, они на самом деле складываются в линию жизни – смешную, задумчивую, иногда печальную, честную.

Ольга Сергеева, генеральный директор Seasons Project

Так редко сегодня в мире, где все гонятся за сжатыми до клипов и наночастиц смыслами, получаешь от чтения удовольствие тягучее, эстетическое, почти музыкальное. Почти «набоковское», не побоюсь. Полина Санаева всегда возвращает нас во времена, когда текст сам по себе был ценностью и когда ты узнавал в нем себя – и радовался, и грустил, и просто

тихо думал.

Юлия Варшавская, главный редактор Forbes Life и Forbes Woman

Полина Санаева пишет о себе, а выходит, что о нас о всех. Это густо, остро,пряно, больно, звонко, горячо, вкусно, пахуче, слезно... Влезаешь в эту книгу, как в одеяло, а там – волшебство. Мамины серебряные браслеты, пьяные и загадочные мужчины в ночном метро, чужие и уютные квартиры в самом пупке Москвы, соленые махачкалинские ветры, обрывки подслушанных разговоров, подсмотренных сценок, пропущенного через себя восторга и жалости. Вот пронзительно одинокий дед с брезентовым рюкзаком на дождливой автобусной остановке, а вот летний тротуар в пятнах тутовника, а еще как хорошо иногда вернуться домой подшофе, купить настоящую живую елку вместо пластмассовой или, как в тех знаменитых стихах, стать на время «женщиной-женщиной, звенеть браслетами, поправлять волосы». После чтения этой книжки хочется глядеть по сторонам, шуршать листьями, есть плов с барбарисом, встречаться с друзьями, нырять в омут, влюбляться в кого угодно, в общем, жить на всю катушку, не оглядываясь на правила. Вот такая вдохновляющая проза.

Алиса Ганиева, писатель

Книга с ароматом женской жизни – немного духов и туманов, немного пирожков и глаженного белья. Запахи цветов и трамваев, бесприютной любви и теплого дома.

Это книга собрана из оттенков женского настроения, которых больше, чем платьев в шкафу, и каждый по-своему привлекателен.

Марта Кетро, писатель

Женщина-женщина

Черная водолазка

Иногда хочется быть такой женщиной-женщиной,
звенеть браслетами,
поправлять волосы,
а они чтоб все равно падали,
благоухать «Герленом»,
теребить кольцо,
пищать: «Какая прелесть!»
Мало есть в ресторане, —
«Мне только салат».
Не стесняться декольте,
напротив, расстегивать
совсем не случайно
верхнюю пуговку.
Привыкнуть к дорогим чулкам
и бюстхалтеры покупать
только «Лежаби».
Иметь двух любовников,
легко тянуть деньги —
«Ты же знаешь – я не хожу пешком»,
«Эта шубка бы мне подошла»...
Не любить ни одного из них.
«И потом в гробу
вспоминать Ланского».

А иногда хочется быть интеллигентной дамой,

сшить длинное черное платье,
купить черную водолазку,
про которую Татьяна Толстая сказала,
что их носят те, кто
внутренне свободен.

Если курить, то непременно с мундштуком,
и чтоб это не выглядело
нелепо.

Иногда подходить к шкафу,
снимать с полки словарь,
чтоб только уточнить слово,
говорить в трубку: «Мне надо закончить статью,
сегодня звонил редактор», —
рассуждать об умном на фуршетах,
а на груди и в ушах чтоб —
старинное серебро
с розовыми кораллами
или бирюзой.

Чтоб в дальнем кабинете
по коридору налево
сидел за компьютером муж-ученый,
любовь с которым
продолжалась бы вечно.

Чтоб все говорили:

«Высокие отношения».

Чтоб, положив книжку
на прикроватный столик,
перед тем, как выключить свет в спальне,
он замечал:

«Дорогая, ты выглядишь бледной,
сходи завтра к профессору
Мурмуленскому.

Неприменно».

А иногда просто необходимо быть
холодной расчетливой сукой.

И большой начальницей,
чтоб все в офисе показывали пальцем
и так и говорили новеньким:
«Она холодная расчетливая сука,
пойдет по трупам».

Ну зачем так грубо?

И зачем же сразу «по трупам»?

«А вы, девушка, уволены».

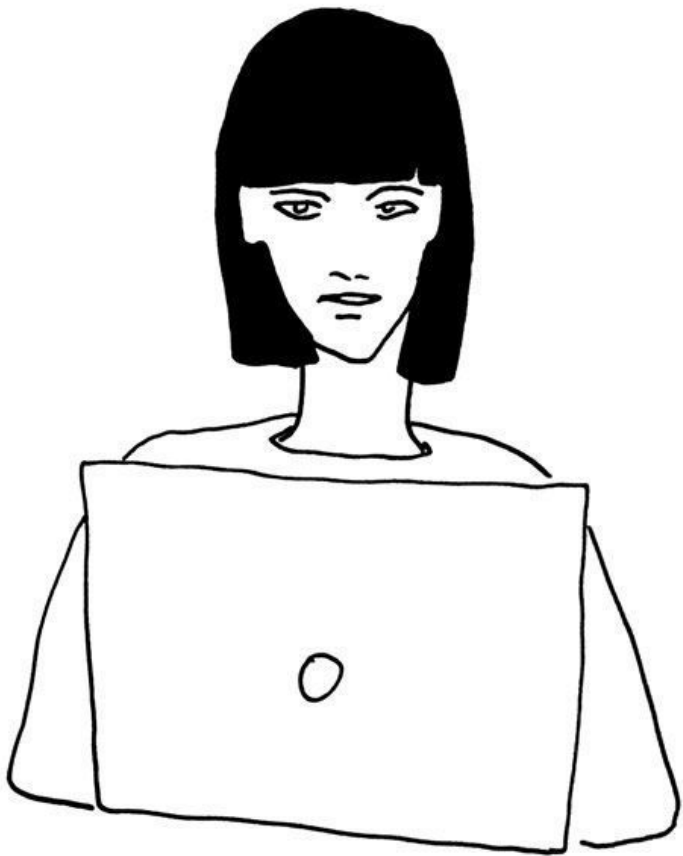
«Кажется, я ясно ставила задачу».

Называть красивых секретарш
«дурочками»

прямо в глаза.

Не потому что дурочки, а потому что красивые.

Топ-менеджерскую зарплату
тратить на элитную косметику,
и чтоб золотых карт миллион,
с сумасшедшими скидками...

Коллекционировать современное искусство,
развешивать его
по голым стенам в кабинете

и в огромной пустой квартире,
где на сушилке в кухне
одна чашка, одна ложка
и две табуретки
у барной стойки.

Говорить мужчине:

«Жалкий неудачник», —

то есть нет — «лу-у-у-у-у-у-зер».

Утверждать, что мастурбация —

дело всенародное,

и спать с котом,

(«он же член семьи!»),

которого кормит домработница.

А иногда хочется быть такой своей для всех
в доску.

С короткой стрижкой,

красить волосы, губы и ногти оранжевым,

и ходить в больших зеленых ботинках,

с индийской сумкой-торбой,

с наушниками в ушах,

с веревочками на запястье,

все время везде опаздывать,

вопить в курилке:

«Я такую кофейню открыла!»,

«Вы пробовали холотропное дыхание?»

Отвал башки!»

И чтоб аж дым из ушей.
Захлебываться от впечатлений,
не успевать спать,
собираться на Гоа
в феврале.
Сидеть в офисе за «маком»,
вокруг чтоб все увешано
разноцветными стикерами
с напоминаниями: «придумать подарок Машке»,
«напомнить Витьке про ужин в среду»,
«купить новые лыжи».
На рабочем столе чтоб фотографии детей
в бассейне и в океане,
портреты собаки – лабрадор (почившей),
и бородатого мужчины в странной желтой шапочке.
Быть всю жизнь замужем
за одноклассником,
который за двадцать лет, представьте,
так и не выкинул
ни единого фортеля.
Да еще и мирится со всеми этими
друзьями, вечеринками, транжирством
и невымытой посудой.
«Ты заедешь за мной в восемь?»
«Конечно, зая».

А иногда хочется побриться на лыску
и повязать платочек,

вымыться в бане хозяйственным мылом,
но пахнуть какими-нибудь
травками,
полынью там, или мятой.
Научиться молиться,
читать жития святых,
соблюдать посты,
назвать сына Серафимом,
подставлять, хотя бы мысленно,
другую щеку,
«Ты этого хотел. Так. Аллилуйя.

Я руку, бьющую меня – целую».¹
Излучать доброжелательность,
и чтоб ненатурно так
сиять от внутренней хармонии.
Принести из церкви святую воду в баллоне,
поставить ее в холодильник,
и, когда муторно на душе,
умываться ею
и советовать мамашам,
что, если у ребенка температура,
достаточно просто сбрызнуть,
и чтоб это действительно помогало.

А иногда прямо требуется быть хозяйюшкой,
с большой буквы Х.
Такой, которая все сама-сама
и по собственным рецептам.
«А я шарлотку так делаю», —
и понеслось...
На полке банки со специями,
стеклянные крынки
с надписями:
«Рис», «Горох», «Сахар».
И там, где написано
«Мука», там правда мука,
а не на дне старая заварка.
В шкафчике

¹ Цветаева М. Малое собрание сочинений М., 2011

полотенца стопочками,
разложены
по цветам и размерам,
между крахмальными простынями
ветки лаванды
и что-то такое
с вышивкой,
очень ненужное,
что называется
сухим и шуршащим
словом – саше.

А как же?

На подоконнике таз
с вишневым вареньем —
«два раза прокипятить»,
в вазочке – пенки,
на столе капуста
собственного закваса.
Но в доме, мамаша,
надо ж держать и другие закуски...
Когда же собраться
и научиться
хоть макароны
варить правильно,
ходить
не в магазин на углу,
а на рынок,
знать, что на прошлой неделе
помидоры стоили меньше
на три рубля,
шампиньоны, наоборот,
подешевели (надо брать),
а мясо – в той же цене...
Перебирать его на прилавке,
переворачивать,
мгновенно проницать
все подлые замыслы
продавца, —
«Представляешь, он хотел мне подсунуть...»
Иногда прям так хочется
что-то там жарить и парить,

украсить салат,
перелить борщ
в фарфоровый супник
с кучерявыми ручками,
и крикнуть в сторону гостиной:
«Обед готов!
Идите ужинать...»

А еще ужасно хочется пойти в официантки,
купить накладные ресницы

и полное
собрание сочинений

Дарьи Донцовой.

Научиться ходить на каблуках,
флиртовать с посетителями,
чтоб они больше
оставляли на чай.

Говорить: «А вот попробуйте еще «карпаччо»,
уж очень оно у нас замечательное».

Ходить в кино,
копить на машину.

Бросить бармена,
закрутить с поваром-итальянцем,
висеть на доске почета
как работник, раскрутивший
максимальное число лохов
на дорогое французское вино,
которое они сроду не отличат
от крымского.

Пить сколько хочешь горячего шоколада
из кофе-машины
и уже разлюбить греческий салат.

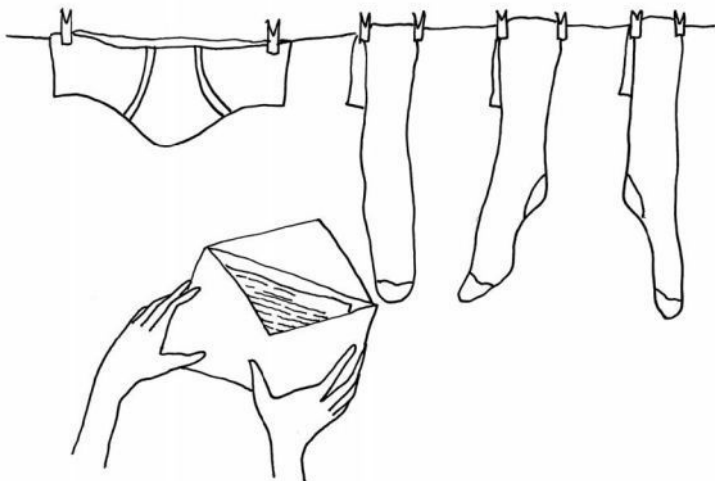
А что мы имеем на деле?

Пока только
черную водолазку.

Осеннее обострение

Романтика и трусы

Хорошенько за полночь стояла в очереди в туалет в модном баре. И там две молодые девчонки в белоснежных кроссовках препирались у зеркала:

– Ну, посидим еще-о-о-о...

– Да мы и так тут все свободное время проводим!

И чувствовалось, что свободного времени у них много. А там бутерброд 500 р.

Потом ехала в метро на последнем поезде в час пятнадцать, рядом сидела пара, только с работы, целовались непрерывно, аж раздражали – молодой человек азиатской наружности и русская девочка, такая вся нежная, с ямочками на коленках. И она ему говорит:

– Завтра получим деньги и поедем, купим свитера – тебе и мне. А то холодно становится. В две тыщщи спокойно уложимся.

– У меня есть свитер.

– Да ладно, новый купим!

Такое у них событие наметилось. Он ей благодарно улыбнулся, и они продолжили целоваться. Уже не бесили.

И я вспомнила удивительную историю, как двое умных, образованных, читающих стихи людей – мужчина и женщина – немножко знали друг друга, а потом разъехались по разным городам и стали переписываться. И тут выяснилось, что они любят одних и тех же поэтов, и помнят из них одни и те же строчки, и вообще во всем совпадают, и родились хоть и в очень разных семьях, но как бы сразу родственниками.

Решили пожениться. И вот он приезжает к ней в сентябре. И они гуляют-гуляют за ручку по аллеям, осязают друг друга, принимают, первые робкие поцелуи, и все прекрасно. И тут он ей говорит:

– Надо на рынок съездить, куртку мне теплую купить.

И на этом все заканчивается. И романтика, и отношения в целом. Она понимает, что это не ее мужчина: ни его куртку, ни его носки и тем более трусы она видеть не хочет никогда. Стихи стихами, а куртка – это уже быт, и к быту с ним она оказалась не готова.

И тут я еще вспомнила, как позвонила мужчине своей жизни, который каждый день приезжал с коньяком, шампанским и клубникой:

– Зайди, говорю, в магазин, купи курицу на бульон.

И он больше вообще не приехал.

А еще подруга рассказывала точно из той же песни:

– Дальнего родственника за сорок познакомили с милой женщиной. Пошли они на свидание, возвращаются, и милая женщина говорит категорическое «нет». Спрашиваем: почему? Что случилось? Понимаешь, объясняет она, все так хорошо было, мы беседовали о кино. О книгах. А потом он купил себе трусы. Кинулись к родственнику: зачем трусы? Почему трусы? Что тебе так приспичило трусы покупать? А он говорит: «ну вот попались мне именно такие трусы, как я люблю, их не везде купишь, я сразу десять штук купил, по дороге же...» Так и остался холостым.

И следом нанизалось:

– Поехали в аптеку и купили ему противорадикулитный пояс. И он мне говорит: спасибо, что помогла выбрать. Это как будто наша первая семейная покупка. Тут и сказочке конец.

Наверное, когда можешь купить ему трусы или пояс противорадикулитный – это точно любовь.

И еще я почему-то вспомнила, как один парень рассказывал:

– У моего отца была несметная куча баб, и я его однажды спросил – чего они от нас хотят? А он сказал, что за всю жизнь так и не понял. Сказал: сынок, они все разные на вкус и на ощупь. Они по-разному пахнут, по-разному ко всему относятся, по-разному целуются и все остальное. И фиг поймешь. Им всем нужно разное.

А вчера за столом в том же баре один умный человек сказал странную фразу: «Здоровый образ жизни уничтожает личность».

Не знаю, к чему это я. К тому, что все запуталось, нет законов ни у одного жанра. На первое сентября дети с тюльпанами идут, на Новый год – редиска свежая. Фиг поймешь.

Подумаешь, осень. «Если у тебя есть деньги, всегда можно улететь в лето». Если нет – пойти в ботанический сад. Там красиво. Две ночи подряд мне снились кошмары, я куда-то бежала, кричала от ужаса, Гас прибегал из другой комнаты, а Ася, которая спит рядом, – спала себе.

Сегодня я проснулась с ужасно печальной новой морщиной в уголке рта и ощущением, что все вокруг как-то усложнилось.

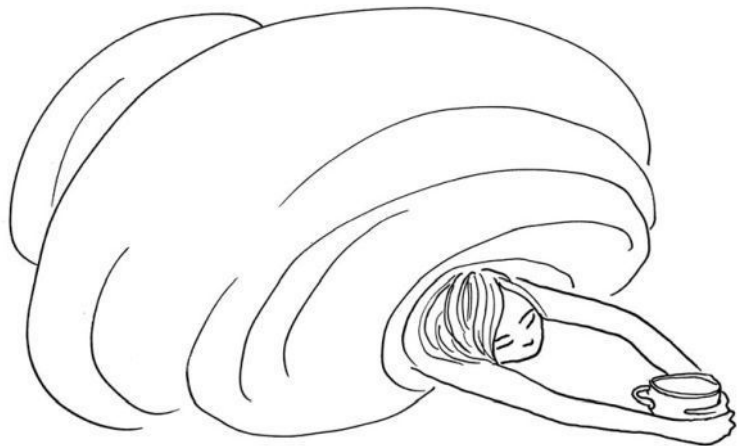
В плоды

Наконец-то можно достать свитер. Термос и шарф. Перчатки не достаю – они теряются. Наконец-то кончилось тепло и солнце. Кожа не накаляется, можно снять очки, открыть глаза, проморгаться, не щуриться, не искать тени. Увидеть, кто стоит напротив и что-то рассказывает. Возможно, полезное.

Меньше пыли, больше ясности. Ясность ясеневая и зоркость яворовая, сказал Мандельштам в стихотворении, которое никто не может расшифровать, даже Быков. Стихотворение в жанре – «наваждение». Но иногда прям смотришь и понимаешь, о чем он. Что ясность – ясеневая. Нет, никаких мне больше югбв, чебуреков, чириканья, игр на воздухе. Мне надо остыть, я слишком нагрелась.

Ждала, когда листья уже перестанут бить золотом в глаза, в инстаграммы. И вот они сдались и упали. Лежат теперь уютные, коричневые – кучкуются, устилают. Деревья могут от них отдохнуть.

Хочется побыть голым деревом, тоже все сбросить и постоять в сторонке, в состоянии «зимняя замкнутость». Как хорошо, что оно наступило и окутывает. И все замедляется, впадает в анабиоз. Никаких мне больше дайвингов, коктейлей на пляже, неудобных шезлонгов.

Пусть идут дожди – они любой ситуации придают неопределенность и законченность одновременно. Пусть нависают свинцовые небеса – придавливают, как бабушкино ватное одеяло. И низкие облака пусть плывут – отгораживают от суеты, в них – как в перину, в кокон, в объятия, в пледы. В компостную яму. В берлогу. Зарыться и замереть. Не включать свет, подумать о вечном, вздремнуть, проснуться совсем под вечер. И смотреть странные сериалы. И братьев Коэнов. Когда-то же надо начать.

Осенние влажные дни убывают, тихо, как вода в стакане, медленно испаряются, впитываются в стены, оставляют мокрые пятна, как мыльные пузыри. И с самого утра начинаются сумерки, а значит, ничего обязательного. И так на ближай-

шие полгода. Пока не рассветет.

Осень, когда она серого цвета, это как свобода, как жизнь за тем, когда подведена черта; как чистый лист, на котором все можно нарисовать по-своему. Но это потом, потом, завтра, все завтра или весной...

Эми

Вечером, 3 сентября, начался дождик, и я пошла на док-фильм про Эми Уайнхаус. В семь вечера люди в метро уже спали. Летом не спали. А тут опять – едут с работы, уставшие, впавшие в осень. Иногда кажется, что это одни и те же люди ездят по кругу с серыми осенними лицами. Кто-то загорелый, веселый и в зеленых шортах, а кто-то в свитере и спит.

Когда я вышла из кинотеатра, дождь и не думал заканчиваться, и стало ясно, что люди в свитерах были правы. Фильм проделал во мне сквозное отверстие, и в него немножко задувало. Он был про Эми и про то, как ей не удалось справиться со своим папой. Который ее сначала бросил, а потом, когда она стала звездой, вернулся в ее жизнь и не соглашался отменять концерты, чтобы подлечить дочь от зависимостей. Ему было важно, что ей платят по миллиону за выступление. И она была как в тюрьме – в этой своей мировой славе и наркозависимости.

Я так расстроилась, что позвонила Гасу и сказала, что он может бросить школу прямо сейчас. Ничего страшного. Лишь бы не быть, как в тюрьме, где бы то ни было. Лишь бы жить. Подумаешь, школа. Будем танцевать на улицах, писать в анкетах – незаконченное среднее. Пойдем работать в «Макдоналдс», там и кормят, и гибкий график, и достойная

зарплата. Регулярные премии. Я вижу такие объявления, и мне кажется: зачем еще что-то искать? Вот же теплое местечко.

Когда я подъехала к дому, был уже не дождь, а ливень. И водитель сказал: «Хотите, я провожу вас с зонтиком до двери?» Конечно, я захотела. И сразу представила, как иду, как английская королева, а он несет надо мной зонтик. На самом деле мы с ним просто очень быстро побежали.

Дома все спали, было темно, а на ковре посреди комнаты белели Асины резиновые сапоги – она приготовила на утро. Ася уже смирилась, что осень пришла, и спокойно уснула. Но я еще надеялась потянуть, посидела, пощипала винограду. А когда уже засыпала, услышала, как подлетел комар, вяло пожужжал и не укусил, сдался. Последний летний комар. Скоро начнутся осенние мухи.

Во вторник начался сентябрь.

Дождь лил всю ночь.

Все птицы улетели прочь.

Лишь я так одинок и храбр,

Что даже не смотрел им вслед.

Пустынный небосвод разрушен,

Дождь стягивает просвет.

Мне юг не нужен.

Бродский, конечно. Всегда Бродский².

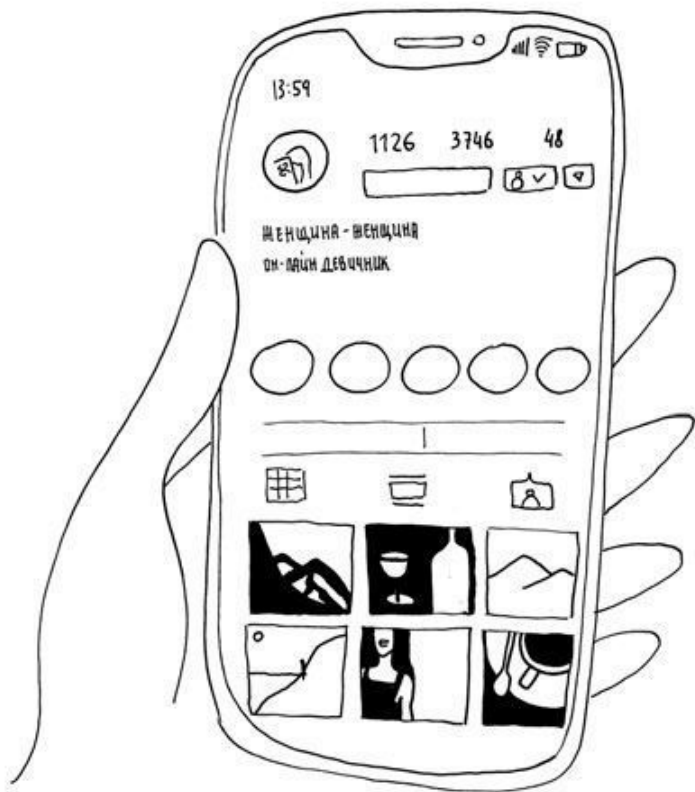
² Бродский И. Новые стансы к Августе: Стихотворения. М., 2011

Встроенный фильтр

Чуть не через силу, по служебной необходимости зарегистрировалась в Instagram. Для практики запостила первые две фотографии. Ну и все. Что за чудо, думаю! Раз – и все видят! Стала мыслить картинками.

Тут же захотела сделать коллективное фото пассажиров троллейбуса, в котором ехала по Покровке (что само по себе перформанс). Это был троллейбус, полный безумцев. Живущие в центре и при этом едущие на троллейбусе – это фрирки с прекрасными лицами, которые не встретишь на улице Подбельского, и одетые в то, чего не встретишь в магазинах.

Конечно, мне захотелось сфотографировать очень бледного подростка в церкви. И брюки и рукава свитера были ему безнадежно коротки. И ботинки какие-то – не кроссовки, а ботинки именно. Он был не из нашего времени, он как будто в этой церкви родился 200 лет назад. Он был как герой Достоевского, хотя даже не крестился.

А потом и батюшку хотела сфотографировать. С толстыми свечами и такими же толстыми пальцами.

Ужасно захотелось сфотографировать, как надевают шта-

ны на манекен в Massimo Dutti, расправляя складочки на всех местах. Смешно, заботливо и долго. Этот Instagram – просто зараза.

В «Библио-глобусе» захотелось сфотографировать даму в очках, которая сидела-сидела за столиком, а потом поискала и решительно раскрыла медицинский атлас с цветными картинками на устройстве мужской мочеполовой системы. И стала строго туда смотреть. Я заглянула – печально там все нарисовано, безжизненно. Надеюсь, ей кто-нибудь об этом расскажет.

Еще хотела заснять поэта, который читал в магазине стихи, посвященные автору книги о диетах «От имени всех мужей, чьи жены похудели благодаря вам». Поэт был в белой-белой ковбойской шляпе. И это вчера, в #ливеньидождь.

А как хотелось заснять кривые ноги девушки, которая стояла передо мной на эскалаторе! И подписать так: «Не в ногах счастье». Потому что кривоногую наверху ждал парень с зонтиком, они потом долго обнимались, целовались и пошли рядышком. Это моя давняя мечта, чтоб меня встречали у метро. Очень живописно.

Карочи, разжалела себя, пришла ближе к полуночи, сделала тосты, намазала их медом и что? Захотела их сфотографировать! Ага, на блюдечке.

Но видите, я мужественно борюсь с искушением и пока побеждаю. Мне нельзя в еще одну соцсеть, засасывает. Мне надо жить в реальности, хотя бы иногда. А то кончится тем,

что я стану постить свои фотки с оттопыренными губами, хотя мне никогда не удастся их как-то конкурентоспособно оттопырить.

Ну и конечно, обо всем этом я уже написала на фейсбук.

Не фотографировать я кое-как могу, а вот не писать бу-
кафки.

Рай для интроверта

У меня внутри Петергоф отпечатался. Не знаю, на чем конкретно, но на чем-то с ворсинками. Отпечатался, как тавро геометрической формы. Как золотая татуировка, на которую смотришь с радостью, а она излучает. Сидишь-сидишь перед компом или в холодном троллейбусе и между делом задираешь манжет или брючину и поглядываешь. Напоминаешь себе, что счастье есть. А оно как бы внутри шуршит, переворачивается в норке. И греет. Вот у меня Петергоф там теперь. Я в него заглядываю. Зачерпываю тишину и журчание.

В Питере, при всем уважении, мне всегда было серо, сыро, зябко, зыбко. А в эту осень так сухо, что аж шелестело в ушах. И еще тепло и позолочено. Наяву любая картинка была такого насыщенного цвета, как будто ее уже обработали в фотошопе. И немножко перестарались.

Я прямо просыпалась и чувствовала, как вокруг за стенами стоит сумасшедшая красота. И трещит от собственной избыточности. И надо бежать и хватать ее руками, пожирать глазами, утолять зрительный голод. Потом поехала в Петергоф. В октябре там уже мало туристов, а фонтаны работают. Льют воду. Пустой парк выглядит и звучит по-другому. Легко представить, что весь он твой. И легко представить что ты – королева. Ампирагорша. И позади у тебя вечность. И

впереди тоже.

Все-таки как хорошо, когда много гениев подумали об удобстве и красоте для одного царя. И при этом царь попросил их буквально ни в чем ни себе, ни ему не отказывать. И эти беспредельщики итальянцы не просто начертили план парка, а как будто надышали его. Может, свои сны записывали, может, видения. Но во всем этом явно не только рисунок, расчет, геометрия и точность, но и что-то в целом необъяснимо совершенное. Самодостаточное.

Меня в нижнем парке накрыло, словно куполом, будто давным-давно умная и могущественная Гермиона начертила над этим местом невидимые защитные меридианы. Или что там? Нашептала защитные заклинания. Для меня ж безопасность – базовая радость. И она там есть. Ее там навалом. Я вот природу люблю, лес. Но могу ли я быть счастлива в лесу? Недолго, точно не вечно. А тут? Тут – да. И совсем для этого никто не нужен.

Неопределенное и плохое останавливается, нет, кончается вовсе. И ничего не напоминает о «земле», никаких примет времени – ни пивных бутылок, ни упаковок из «Макдоналдса», ни уборщиков в оранжевых жилетках. Мало людей и много тишины. Фонтаны журчат, статуи молчат, мрамор мерцает. Белки перебегают дорожки в разных направлениях часто, как кошки. А вороны переходят. Маленькие легкие птички садятся на руки, царапают коготками.

Пространство просматривается во все стороны. Простор и уют, бесконечность и замкнутость. В конце каждой тропинки фонтан или фигура. Или беседка. Или ротонда. Мостик, дворец – большой или маленький. И все это излучает что-то помимо, помимо очевидного. Красоту, наверное. Это она и есть, да? Которая гармонизирует пространство, воздух и мой глубоко внутренний мир. Скорее всего, душевный.

В нем ведь только наведешь порядок, только разберешься, расставишь все по местам, отлакируешь, как тут же наваливается новое, новое, новое. Падает, падает сверху, как когда

проигрываешь в тетрис. Нагромождается. Одно на другое. И не впихивается обратно, а торчит сверху и по краям, колет-ся-режется. События, взгляды, обстоятельства. Набойка отвалилась, звонок пропустила. Не душа, а вечно проигранный тетрис. И когда идешь по кривой улице с совковыми пятиэтажками, оно усугубляется и продолжает громоздиться.

А в Петергофе не так.

Когда снаружи все настолько пропорционально, гармонично и тихо, то и внутри все зеркально укладывается в ровные колонки, без зазоров и асимметрии. И успокаиваешься. Кажется, что окончательно. А сквозь листья струится такой густой золотой свет, что хочется называть его божественным. По красоте или даже по происхождению. Свет и покой проникают в меня и остаются. Так же, как во всяких полуподвалах обычно проникали холод и сырость.

Это интимное, но такое огромное чувство, что молчать не получится. Я не очень-то представляла себе пространство рая. Раем был человек, и не важно где. А теперь у меня большой и подробный опыт пребывания в раю. Я могу в него вернуться под общим наркозом или позже. И в любой момент могу описать вполне предметно.

Это такой парк. Огромные деревья в нежных красках. Идешь от Адама наискосок к Монплезиру. Листья бесшумно скользят под углом. Придают движение абсолютно идеальной картинке, во всем остальном застывшей. Звук струящейся воды следует за тобой. Доходишь до замкнутого дво-

рика – там розы, липы, боковая аллея... Потом делаешь шаг в сторону – и открывается Балтика. Гладкая, уставшая, молчаливая, уже отвоевавшая свое. Видишь каменистый берег залива.

На камнях стоят чайки и тоже молчат. И дальше все. Дальше ничего нет.

Разговоры из воздуха

Надо привыкнуть, что дети больше не ходят со мной гулять, ни в будни, ни в выходные. Надо было давно привыкнуть, но все, что связано со временем, – для меня неожиданность. Каждый взгляд на часы и календарь... В основном: «О, уже так поздно!» И почти никогда: «О! Еще так рано!» Чаще: «Как лето кончилось? В смысле, осень?» Время уходит вспять, время уходит спать.

В «Аптекарском огороде» красота невозможная. Сакура покраснела, дубы-колдуны покоричневели, остальные колеблются между, во всех оттенках и переливах. Глаза с трудом привыкают к изображению естественной яркости и высокого разрешения. Фонтанчик журчит, императорские рыбы пытаются впасть в летаргию, им мешают – детки тюкают монетками по темечку. Рыбы уходят поглубже, чтобы замереть, уснуть, но нет. Кошмар, и я их понимаю, как никто.

Бегонии умудряются цвести, где-то рядом звонит церковный колокол, два раза за час пролился дождь, везде таблички «Не ходите с дорожек!» Названия растений читаются как стихи, как песни («Лилия слегка волосистая», ничего себе слегка), по полю ходят две рыжие утки – это местные, у них тут прописка. И обязательно найдутся две дуры, которые фотографируются в кустах. И две умные тоже. У них, как у камер на телефонах – автоматические настройки: заходят в

куст, выгибаются и улыбаются, – просто реклама стоматологии. Щелчок, и вот они уже выходят из куста, надев на лицо серое будничное выражение. Опыт.

Упали сумерки, ушел сдуватель листьев с дорожек со своей трубой. На лужайке под старым дубом – он, между прочим, «Заслуженное растение России», – ползает автоматический газоноуборщик, напоминает, что мы в двадцать первом веке.

В оранжерее зажгли свет, и она засветилась в глубине за деревьями, как гигантский ночник. Или волшебная лампа с растительным орнаментом.

И ведь русским языком написано: «В теплой водичке добрые пираньи ждут ваши ручки». Администрация, видимо, исчерпала вежливые формулировки, а народ все стремится сполоснуть руки в водоеме с редкими цветами. Но испугать москвича не так просто.

– Пиранья? Где пиранья? Ее покормить? У меня батончик мюсли в сумке есть.

Бабулю в беретке, которая задумчиво глядела на кувшинку и возможно даже, там, под береткой, слагала хокку, передергивает от ужаса. Кормить пиранью!

Когда так настойчиво просят не сходить с дорожек, хочется именно сойти.

И разговоры из воздуха рядом.

Тетеньки

- Я сыну суп в тарелку наливаю, крышечкой накрываю и ставлю в холодильник. Чтоб он потом только погрел. А сама – на работу. Не положишь, так и не поест, хотя ему скоро 17.
- Моему 35 и все то же самое.

Подростки

- Если ты ее бросаешь, так и скажи, а ты только титьки мнешь!
- Ничего я не мну...
- Ну еще хуже.

Женщины под шестьдесят

- Дай руку? Что это у тебя? Отложение солей? Надо аппаратом погреть. А вот эту точку знаешь? Между указательным и большим? «Точка жизни» называется. Давишь? Каждый день?
- Ай, ты мне дырку сейчас сделаешь! Не хочу «точку жизни». Итак все болит.

Охранники

- Тебе надо полностью отстраниться.
- Нет, я ему все выскажу.
- Нет, тебе надо отстраниться, прямо полностью.

Женщины в районе сорока

– Я на ямочки западаю: вижу – щека, вижу – ямочка, и влюбляюсь с первого взгляда.

– И что? Жизнь тебя не учит? Полный дом детей с ямочками на щечках. В следующий раз, может, погоди влюбляться? С ямочками – они тряпки все. Погоди, говорю. Приглядишь, может, там рядом скромник какой ходит, а у него, может, такие внутренние ямочки, что маманегорюй. Ты уже не в том возрасте, чтобы игнорировать человеческие качества.

Девушки в районе тридцати

– Родственники дали денег на золотое кольцо, а я пошла его выбирать с такого похмелья страшного, что теперь смотрю на это кольцо и думаю: как? Как я могла такое... Позор! Просто позор.

Снаружи ботанического сада многополосное движение,

проспект Мира, шум и бирюзовые башенки центральной мечети.

– До радиальной под землей или по воздуху пройдемся?
Ну так вот, я и говорю...

Питерские разговорчики

На колоннаде Исаакия

Парень и девушка разглядывают сверху Исаакиевскую площадь. Он показывает на Мариинский дворец.

– А это что за особняк?

– Вокзал, наверное, какой-то. Пошли дальше.

Возле Медного всадника

– Смотри, нога лошади Петра какбэ попирает ядовитую змею, тока я забыла, что она символизирует.

– Медицину, конечно!

В очереди кондитерской «Буше»

– Ладно, сегодня я тебе все прощаю...

– А что прощать? Мне прощать нечего!

– А дома барда-а-а-а-а-а-а-ак...

– Это потому, что я работала вчера.

– А позавчера? А три дня назад?

– Обижусь.

– Вот я и говорю: сегодня все прощаю!

В столовой на Невском

Мушщина с футляром от контрабаса (ну и с самим, наверное, контрабасом в нем) и в красном шарфике. Достал бутылку, влил пару бульков в компот, набрал номер:

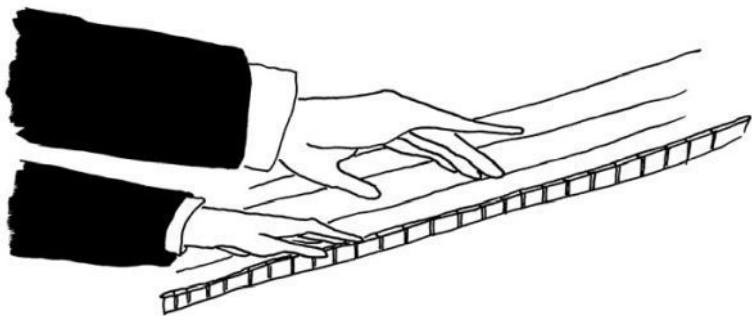
– Мне **НАДО** тебя увидеть. Нет, я бы предпочел **ЛИЧНУЮ** встречу. Да, обязательно. Нет, **НЕ МОГУ** сказать за-чем. Почему? (встал) Потому, что нахожусь в общественном месте!

Григорий Соколов

Наде Ждановой

Сначала мы ехали на поезде до Болоньи и видели охотника с двумя крапчатыми длинноухими собаками, и стаю фазанов – как на картине маслом, и облетевшие виноградники, и все еще ярко-зеленые поля, поля, поля, и сельские дома с черепичными крышами, и все еще в желтых листьях деревья.

Мы ехали на концерт великого пианиста Григория Соколова. Два года я смаковала предвкушение, и не верилось, что вкушение уже близко.

Потом мы еще бегали по запутанному болоньевскому вокзалу и оттуда ехали на электричке в Модену. Тут публика

не такая рафинированная, как в центре Вероны. Похожа на ту, что ездит, например, в Дубну с Савеловского – рабочий народ, офисный люд, студенты, кто-то прятался от контролеров в тамбуре... Ехали стоя, вагоны битком, час пик.

В Модене оказались уже в сумерках, и там было все совсем по-другому, чем в любом виденном мной городе, и надо было осваивать эту новизну, в оранжевом свете фонарей идти по малолюдным улицам – как во сне, искать собор (огромный, старинный, уютный, как жилой дом – отдельная история), гладить там мраморных львов по их изгрызенным временем носам... На площади перед собором пахло, как на маминой кухне, когда она печет печенье, а ты сидишь носом в духовку. Конечно, бил колокол.

А в остальном тишина и детские голоса. На ступеньках кафе сидела красивая мулатка в фартуке, и ее лицо светило отраженным светом телефона.

А потом мы вошли в театр Лучано Паваротти, и то, что осталось снаружи, перестало иметь значение, будто совсем закончилось.

Зал – в коралловых мягких оттенках, множество отдельных лож, а в полукруглом туалете полукругло выгнутые деревянные двери (как это возможно?). Зрители – солидные, хорошо одетые, в жемчуге, и молодежь в чистых рубашках. У высокого мужчины в мягком пиджаке – натурально бланш под глазом, другой сморкался в огромный белый платок, несколько людей в инвалидных колясках, маленькая лысая

женщина в маленькой шапочке, как после химиотерапии, парочки за ручки и женщины типа вамп – вызывающе поодиночке.

Перед самым концертом я еще успела подумать, что вот же на этой сцене пел Паваротти и что шнурки сильно затянула, надо расшнуровать. Но погас свет, и какие там кроссовки, дышать забываешь!

Есть хороший пример того, что такое классика, что такое гениальное произведение: как Константин Райкин, лежа дома с поломанной ногой, читал Кафку. Читает-читает и понимает, что это все будто точно про него двадцатилетнего. Причем такие вещи Кафка про него пишет, в которых он и сам себе не хочет признаваться. Читает дальше. Снова все как про него. От ужаса кидает книгу в дальний угол комнаты, но раны уже расчесаны, и он ползет в этот угол со своей сломанной ногой. Дальше тоже все страшно совпадает и про 30-летнего – на уровне никому, казалось, неизвестных мелочей и подробностей.

Так вот, когда слушаешь великую музыку – она как будто лично про тебя, а гениальный исполнитель будто все про тебя знает. И то знает, что тебе самому про себя узнать никак не удавалось.

Он там один на сцене, и ты один перед ним в зале. Слушаешь и с ужасом понимаешь, что эти звуки максимально точно выражают, что там с тобой в жизни случилось, и становится сразу понятно, что в ней главное.

И он играет и будто рассказывает, как когда-то ты не просто ходил по улицам в ботинках и ел овсянку на завтрак, а переживал все это:

– сначала было вроде бурно, весело и быстро, потом стало тревожно, вот именно так, как он играет, до деталей;

– а однажды было именно так нежно, как сейчас звучит этот рояль, хотя ты никому не рассказывала;

– потом было больно и это длилось и длилось;

– потом все куда-то будто бежали, потом вроде успокоилось, и воцарилась гармония;

– потом все оборвалось.

А он все играет и тебе одной говорит: ну ничего-ничего, пройдет, и вот, есть музыка, она вывезет.

По-новому ощущаешь, что такое «нежно». В его звуке это более определенно и чувственно. Он нажимает на клавиши, и накатывает совершенно новая нежность. Вселенская. Начинаешь плакать в коралловом зале и всех любить. И только бы он не останавливался!

И публика отчаянно аплодировала, билась за бисы. И он выходил и играл короткое, и звуки были каждый раз другие – то как птичьи трели, то как «Шаги на снегу» – мягкие и глухие.

Испытываешь эмоции, которые невозможно выразить словами «офиге-е-е-еть» или «вот жеж гадство». И вообще словами.

Благодаря такой музыке накатывают редкие чувства, ко-

торым не место в «обычной» жизни. И это хорошо, наверное, нельзя каждый день так глубоко погружаться – задохнешься и потонешь в себе. Но знать, что эти чувства есть – такие огромные, мощные, красивые, – знать хорошо бы. И как их вызвать – тоже. Это делает тебя сильнее. Особенно сильнее всех тех, у кого нет чувств, зато аппетит хороший.

Да, и потом выходишь на улицу и, конечно же, видишь, что мир остался прежним и, как известно, «останется прежним» до конца времен. Но с такой музыкой (хотя бы иногда-иногда) и такой нежностью (всегда) – ничего, пойдет, жить можно.

У входа стоял мужчина в традиционной накидке итальянской знати – из толстого сукна – Tabarro. И в берете на бок. У него было аристократичное белое лицо и нос с красивой горбинкой. Уверена, что в его столовой висит несколько портретов пару-тройку-вековой давности, на которых точно такие лица.

И он улыбался – то, что я поняла сегодня, он знал давно. И ночной ветер нес листья по мраморному тротуару.

Уж простите за пафос.

После вас

Недавно попала в квартиру в центре Москвы, которую сдали сразу после смерти владелицы. Огромная запущенная квартира с черным ходом.

Новые хозяева – очень дальние и, видимо, очень жадные родственники. Они ничего не вынесли, не прибрали, не пытались сохранить. И жить в такой обстановке было странно – трогать все, брать пододеяльник в шкафу будто без разрешения, будто хозяин вышел в булочную.

Первое время казалось, кто-то вернется, увидит меня и скажет голосом завуча: что это вы тут делаете? Но нет, никто не пришел. Возле телевизора моток мулине. Пуговицы в вазочке. Чешские разноцветные бокалы, красивые, видно, бывшие в постоянной эксплуатации – из них явно часто пили вино. Красное – остался бордовый налет. За стеклом фотография импортной девочки в мантии и шапочке с кисточкой – хозяйка гордилась внучкой, следила за ее заграничными успехами. В кладовке аккуратно упакованные зимние пальто и сапоги типа боты. Свежие календари во всех комнатах – перекидные, отрывные, настенные, прямо какая-то мания. Тут следили за временем. На кухне в шкафчике недопитые витамины «Кораллового клуба». Тут собирались жить долго и уютно. Никаких лекарств – никто не болел.

Хотя она явно жила тут одна в трех комнатах. В ванной разные шампуни для котят. Везде сильный кошачий дух. Кошки тут были на королевском положении, и, видимо, их толпой вытолкали вслед за гробом. И отличная библиотека. Не декоративная, когда страницы склеены, а книги подобраны по цвету и высоте. А такая живая, читанная, видно, всю жизнь пополняемая библиотека, для удовольствия, без снобизма. И альбомы Филонова, и китайская философия, и Чейз с Устиновой.

А еще много-много книг о дедушке хозяйки квартиры. Толстенных-претолстенных, намного толще Библии. На нескольких языках. Везде о его всемирной коммунистической значимости, его гении и благодарности народов за его деяния. И вот я пришла с улицы, и если бы был камин, я могла бы поддерживать огонь с помощью этой макулатуры. Тогда от нее была бы хоть какая-то польза.

Что осталось от этого человека? Московская квартира, сдавая которую, дальние родственники могут больше не работать.

Блин, можно умереть в любой момент, и ничего из того, что было тебе дорого, не будет дорого уже никому. Да, есть дети, но и им не надо ничего моего. У них будет свое. Господи, все, что есть в нашей жизни материального, – все это такие мелочи, такие смешные и незначительные вещи. Да и сами мы...

Оказалось, до сих пор у меня была надежда на бессмертие.

А теперь никогда не буду ничего копить, обустривать и думать о потом. Жизнь невозможно обустроить раз и навсегда, ее можно только продолжать день за днем.

А копить – только впечатления, жить только сейчас – чтобы было что вспомнить, когда уже ничего не будет происходить. Мне показали, что бывает потом. Ничего. Просто приходят чужие люди, затаптывают твои следы и варят кофе в твоей турке.

Кокон истории

Давно, в 90-х, мы с Вероникой с одной квартиры съехали, и нам два дня надо было где-то перекантоваться. Она тогда встречалась с московским мальчиком из очень хорошей семьи. Он потом любил мне звонить, жаловаться на Веронику, зудеть про ее коварство и спрашивать моего совета. Она его бросила, конечно.

Но это позже. А тем вечером он привез нас в свою пустую запасную квартиру, где жил только наездами. Переехал в загородный дом.

В то время я писала рефераты в Ленинке, подрабатывала, сэкономила, простужалась, куталась, все равно мерзла, уставала и не любила Москву. Помню, сижу в историческом читальном зале с деревянными перегородками, бесшумно погружаю руку в сумку, отщипываю от булки и думаю – спуститься в буфет чай попить или я не могу позволить себе эту трату?

И в таком состоянии попадаю в дом к людям, у которых все хорошо, причем давно, – у отцов все было хорошо, дедов, прадедов. В нашей стране так почти не бывает. Мы по большей части живем в домах, построенных на месте бывших помоек или еще лучше – кладбищ. Дедов фашисты поубивали, прадедов – свои. А тут не так. Бывают «старые деньги», а тут еще лучше. Глобальное благополучие и глобальная стабиль-

ность во все времена. И атмосфера соответствующая.

Эта квартира рядом с Патриаршими, в переулке, в старом доме с прохладными подъездами, широкими лестницами, двустворчатыми дверьми, красивой плиткой на полу просторных лестничных площадок. В такой мог жить профессор Преображенский. И много кто еще из реальных, сильно дореволюционных писателей, врачей, адвокатов. Интеллигентные семейства, где играли на рояле, пили чай за круглым столом со скатертью, в гостиной ставили елку со свечами, клали под нее подарки – деревянных лошадок и фарфоровых кукол. Я поднималась по лестнице, и меня одолевало атавистическое желание оставить калоши в передней. Представляла XIX век, зашла в квартиру, а она оказалась очень, очень современной, молодой, дружелюбной и тихой во всем.

Вся одного цвета – серого. От темного, почти черного, до совсем светлого. И без обоев – стены матовые, шершаво выкрашенные. Мебель, занавески, ковры – все глухо-серое и без единого рисунка, орнамента, закорючки. Ничего не цепляло, не раздражало, не останавливало глаз. Я не знала, что серый может быть таким благородным. Он как будто глушит весь шум, что слышишь за день, будто выравнивает все неровности, заусенцы и ямки в душе, которые образовались от соприкосновения с внешним миром.

Была поздняя осень, холодно и слякотно. Надо было оставить Веронику с Денисом наедине, и я ушла в ванную. Еще одна дверь, еще один замок, и можно остановиться и замол-

чать. Там тоже все было серое, даже полотенца цвета камня. И на ощупь не глянцевое, как кафель, а шершавое, как валуны, высушенные солнцем. И эта ассоциация с камнями возникла сразу, потому что пол был очень теплый. До этого я, село такое, не знала и про полы с подогревом. Помню, как раздевалась в этой ванной – замерзшая, с кровавыми корками на губах, сопливая, с оледенелыми ногами и руками. Я тогда продавцом работала и промерзала за день на рынке. Сняла все и босиком на теплый каменный пол. Ванна наполняется, а я стою на теплых камнях, как на спящем вулкане, в центре Москвы и влюбляюсь в нее.

Стены, видимо, при ремонте почти все снесли. А те, что остались, тоже казались подогретыми. Спальня отделялась от зала дверью на роликах. А кухня не отделялась ничем. И в этом широком просторе было невероятно уютно, а города вокруг – совершенно не слышно. Выглядываешь из окна, видишь редких прохожих в переулке, которые не по-московски не спешат.

С тех пор я люблю эту насыщенную тишину самого старого, самого смачного, самого дорогого центра Москвы. Ощущение полной безопасности, которое там само собой возникает, могу сравнить с тем, что чувствуешь, ночуя высоко в горах. Будто тебя увезли с пристрелянной равнины – в нору. Надежно спрятали. И каждая клетка в тебе торжествует и знает: сюда никто плохой не доберется – ты в центре яйца, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в сундуке. Можно спать

спокойно, ты будто защищен тройным кольцом крепостных стен.

Вокруг старая Москва и много домов, где веками жили хорошие, добрые, умные, талантливые люди, которые писали стихи, музыку, прозу, читали, молились, любили. Ну и вкусно неторопливо ели, конечно. Чай гоняли, водку пили. И накопилось, устоялось то, что неопределенно называется «хорошая энергетика». И жить в таком месте совсем не то, что в блочном доме на окраине, на сквозняке, рядом с дорогой, по которой грохочут самосвалы, груженные железобетоном.

Я спала на диване, а в спальне стояла широченная кровать. И на ней было черное белье. И сначала мне это не понравилось. Я с детства привыкла к белым стерильным простыням с мережкой. И собственно, и забыла о черной кровати, как о несовместимой с моей жизнью. А вспомнила, когда изменила отношение к кроватям, мужчинам, спальням. И до сих пор чувствую, что спать на черном и, например, на

розовом в голубой цветочек – это совсем разные вещи. На черном можно спать, на черном можно есть, можно быть какой хочешь и делать такие вещи, про которые ни-ко-гда ни-ко-му нельзя рассказать. Делать и не чувствовать сомнений и вины. Черный и серый – это свобода и безопасность. А меретки – словно бабушкины глаза.

Еще впечатляла ширина стен и подоконников, высота потолков и окон. И как там все было без пафоса и удобно. Заточено под человека. Везде эти мягкие ролики в мебели, диван раскрывался легко – одной рукой, с уютным чмоком. Так глубоко, как там, я редко где спала. И всегда вспоминаю те две ночи, когда мне надо успокоиться и представить уютный кокон.

Безопасность – базовое чувство для женщины, на самом что ни на есть инстинктивном уровне. Женщина как кошка, знает, что сначала надо оказаться в укрытии, потом – все остальное. У меня потом было много «всего остального», и очень редко я чувствовала себя защищенной.

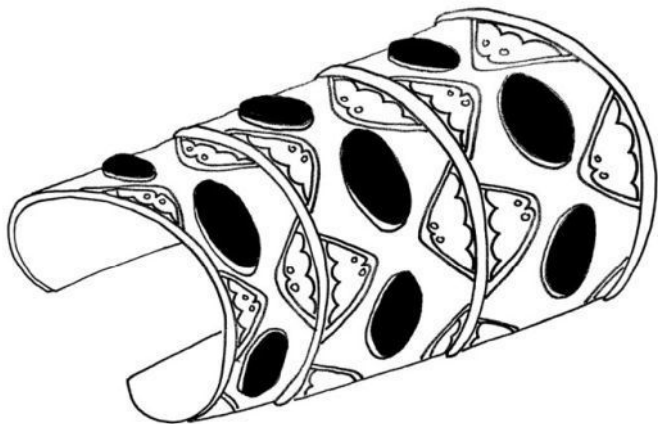
Это такая глобальная мечта. Для исполнения которой надо было бы поменять историю семьи, а лучше всей страны. Но нельзя же все время мечтать о том, на что можно накопить или заработать.

Серебряная женщина

В тумбочке у мамы лежал буквально мешок серебра. Старинные дагестанские браслеты – тяжелые и прекрасные – папа привозил из командировок в высокогорные села. Тогда их еще можно было купить вот так просто, «с рук». В горах серебро – это обыденно, а папа восхищался мастерством народных ювелиров.

Все детство я любила рассматривать эти браслеты. Мне нравилось, что они уже с царапинками, с историей, даже с запахом другой жизни. Представляла, как папа едет по горной дороге на мотоцикле (и волосы назад), и в кофре рядом с фотоаппаратом у него подарок.

Как жили женщины, носившие эти браслеты сто лет назад? – никак не могла представить я. Потому что в наш аскетичный советский быт и стиль мамы, учительницы английского языка, они не вписывались. Слишком экстравагантно.

Как только взрослые гормоны ворвались в мою кровь, лет с 13, я мечтала быть блондинкой – прозрачноглазой и прозрачнокожей. И душиться духами Chloe, и носить золотые колечки и золотых стрекозок в ушах. Чтобы в меня влюблялись с первого взгляда и писали записки про «золото твоих волос» на листках в клеточку.

Но после нескольких лет бурного пубертата и пары-тройки радикальных экспериментов – с цветом волос и болезненных – с любовью, я смирилась, что навсегда брюнетка. Внешне и по сути. И духи мои – Channel Allure. А металл – серебро. До меня дошло, что влюбляются не в соломенные кудельки, а в характер. С этого началось взросление.

Сейчас, в 44, я только начинаю носить золото, учусь, примеряюсь, прислушиваюсь, как золото чувствует себя на мне

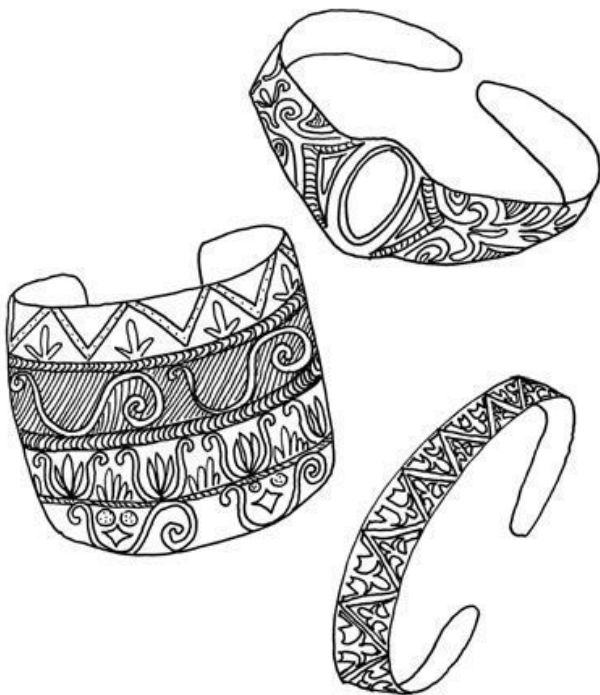
и как я чувствую себя в золоте. Обычно – не очень. Ведь предыдущие тридцать лет провела в серебре. Мне казалось – это не пафосно и ношу я его для себя.

Серебро всегда было моей броней, моим украшением и оберегом. Надевая сначала серьги, потом цепочку и несколько колец, я чувствовала себя защищенной, словно в латах. А уж если браслет! Это был ритуал, после которого я смело шла на любую встречу – с человеком или с реальностью. Потому что серебро на женщине, как черная водолазка – оно про принятие как есть.

И главное – не блестит, а сияет благородно и сдержанно. Даже первое студенческое, дешевое капельное, с чернью, с эмалью, потом с бирюзой и розовым кораллом. В моем Дагестане сотни лет традициям изготовления и ношения серебра, оно повсюду – и в серебре ты как бы всегда как дома. «Носи монисты, длинные серьги и побольше браслетов, которые звенят, – однажды сказала психолог, пытаюсь вывести меня из стресса. – Тебе хочется съежиться, так сделай противоположное. Тебе нужна амплитуда! И серьги ее создадут. Монисты отбивают ритм, а браслет, который движется по руке и падает на запястье, крутится там, где вены, где пульсация, которую надо усиливать... Серебро помогло мне тогда, и ко всем поводам его носить добавился еще один – терапевтический.

В моем расписании мало настоящих женских дел, и это так же навсегда, как и то, что я брюнетка. Почему-то я не

умею хотеть, выбирать, рассматривать вещи даже в интернет-магазинах. Не зависаю у витрин, и новое платье не помогает от плохого настроения. А новое кольцо – да. И в этом я себе не отказываю. И всегда знаю, какое мне нужно еще – в виде лабиринта, печатки, с камнем и с каким. Планирую, ищу, заказываю авторское, отваживаюсь на современный дизайн, трачусь и чувствую себя при этом очень женщиной.

Старинные браслеты у нас украли. Вынесли из дома. Собственно, больше и выносить было нечего. А содержание сундуков в горских домах Дагестана, откуда раньше доставали дедушкины газыри и бабушкины монисты, – давно перекочевало в музеи и дорогие антикварные магазины.

Тех браслетов больше нигде нет, и в то же время они все-

гда у меня перед глазами. И так удивительно, что именно они определили мой вкус и даже мой стиль жизни. Такой, с царапинками.

Фантомные боли

Чтобы добраться до Чоха из Махачкалы, в XIX веке нужно было двое суток идти пешком. Еще и останавливаться по дороге, чтобы переночевать в горах. На чохском кладбище есть могила мальчика из семьи, где кроме него было пять дочерей, на ней камень с надписью «единственному сыну». Он учился в Темир-хан-Шуре, шел домой на каникулы, переночевал в пути, застудил почки и умер. А антибиотиков тогда не было...

Сейчас до Чоха три часа – если на джипе. Все вверх и вверх. Все дальше от города и все ближе к облакам. В этом доме есть комната, которую расписал неизвестный художник. Твердая рука, удивительные цвета, обратная перспектива. Явно большой талант. Кто он был? Куда делся? Никто не знает.

В доме много комнат, сохранились деревянные двери и ставни с резьбой. Этот дом построил Гарун Хаджи. «Он был прекрасным человеком, сирота, который из нищеты выбился в самого богатого человека села. Трудяга», – сказала историк Патимат Тахнаева. Здесь когда-то кипела жизнь, готовилась еда, на веранде сушились подушки, в комнатах лежали ковры, бегали женщины, качались колыбельки, сидели мужчины. А внизу мычали коровы и блеяли овцы. Теперь давно тишина. Но воздух и стены будто состоят из вещества

того времени – «конец XIX – начало XX века», будто его за-
консервировали, и его еще можно потрогать, его еще можно
вдохнуть.

Последние десятилетия дом подолгу стоял пустой, в неко-
торых окнах не было стекол, и роспись на стенах – в голу-
бином помете. Толстым слоем он покрывал и пол на веран-
де, но Клара его оттерла и покрасила рыжей краской. Кла-

ра Власова – 90-летняя художница, нынешняя хозяйка дома. Она называет автора настенной росписи «чохским Пиросмани». В большой комнате стоят две кровати, две табуретки, венский стул (он же стол) и Кларин мольберт. Все. В маленькой комнатке с очагом есть старый шкаф темного дерева с большим мутным зеркалом в пятнах. Дверка не скрипит и не открывается. Еще три больших комнаты в глубине дома совсем пустые – в них земляной пол, и нет сил убраться. К нижнему этажу сосед пристроил покрытый шифером сарай, чем перекрыл окна.

Но с верхнего этажа видна вся эта красота, этот классический дагестанский горный пейзаж – картина с зарубками вечности и приметамы прежнего уклада жизни. Они становятся все более прозрачными, эпоха отступает, как море – прямо на глазах, покрывается пометом нового времени, теряется вдали. Гаснет. Террасы, которыми изрезаны склоны – эти памятники упорству горцев, террасы, которые люди возделывали столетиями – они будто оплывают, обмыливаются, утрачивают четкие контуры. Деревья в садах засыхают, умирают стоя, некоторые ветки обильно плодоносят, но тоже сдаются. Маленькие серпики, которыми жали пшеницу, – ржавеют, валяются во дворах, иногда ими украшают городские интерьеры – это модно, аутентично, стильно.

Разрушенные и покинутые дома в селениях (и целые села!) – привлекают туристов, смотрятся живописно, но грустно. Горько. Иногда от дома остается только одна стена – с

очагом, с уютно закопченными камнями над ним, с выемками – полочками. Как будто остальные три стенки отвалились только что, и люди вокруг этого очага сидели день назад, а на полочке стояла лампа. Чираг. Заросшие травой ступени, в домах помладше еще даже болтаются занавески... Эта цивилизация погибла.

Мы тут ходим в кроссовках, снимаем айфонами, на руке тикают свотчи, мы смотрим на последние приметы настоящей жизни в горах, жизни, когда людям ничего не давалось легко, ходим и умиляемся. Тому, как обработан каждый камень в кладке (вручную), как продуманы и срезаны углы строений (чтоб могла пройти арба), резьбе по дереву, огромным гвоздям ручной работы – из кузницы, аркам и сводам, опорным столбам и треугольным табуреткам. Мы ощущаем ужасные фантомные боли – когда болит то, чего уже нет.

Нет уклада, порядка, закона, чего-то незыблемого, хотя бы похожего на традиции и, простите, устои. Нет тщательности ни в чем. А тут даже порожек в доме так крепко сбит, как будто выстоит и при всемирном потопе. От нашего времени не останется ничего – дома, которые строят сейчас, разрушаются при жизни хозяев.

Мы отвыкли от усилий. Мы уставшие прямо с рождения. Мы будто хотим купить себе готовую жизнь и обмыть это дело в ресторанчике неподалеку. Будто прогресс отменил необходимость трудиться и быть честными. Мы мечтаем в старости уехать в свой домик в горах, и чтоб там был закон и

порядок, порожек и вид. Но деваться нам некуда. Максимум – купить поставец, повесить в городской квартире и сетовать на дороговизну антиквариата.

Пережить ноябрь

У нас ноябрь. В нем надо спать.

Под звук закипающего чайника.

На топчанчике в кухне, когда слышно, как шипит газ, как вода собирается с силами, чтоб забурлить, как гудит металл и как пузырьки цепочками устремляются вверх. И кто-то дожидается кипятка и заваривает чай, и кидает веточку чабреца прямо в чашку. Запах дикого поля разливается в воздухе. И ты засыпаешь окончательно.

Под шум прибоя.

Если спишь рядом с морем, слышно, как волны колышут гальку и как деликатно позвякивают в воде ракушки, трутся друг о друга. Будто попискивают.

Под разговор посторонних женщин о бытовом и житейском, вполголоса, рядом, в дороге, в поезде. «В этом году огурцов мало засолила – приболела в сезон, да и внучку привезли – не до банок было...» «А мои не приезжали, я пока ждала, наварила варенья – из абрикосов, из белой черешни, скоро айвой займусь... Ох, косынка сползла». И вздохи.

ANGEL

Под тихий спор двух незнакомых мужчин за стенкой – об умном, например, о книге, которую точно никогда не прочтешь. «Не понимаю, что тебе там понравилось? Анализ слабый, поверхностный, сплошное выпячивание собственного мнения. Я, я, я! А фактов – минимум». «Согласен, много субъективного, но как блестяще изложено! Рискованно, на грани скандала, а спорить не хочется...» И выходят курить.

Спать, спать.

Под стук дождя о подоконник, когда некоторые капли крупнее и грохаются с высоты, а другие сыплются иголочками, часто-часто. А мимо изредка ездят машины, попадают

колесами в лужи, и вода разливается длинным звуком.

Под треск поленьев, сгорающих в камине, и прочую тишину, а за стенами вокруг чтоб деревья во множество заградительных рядов, качаются, переплетаются ветвями, мокнут.

Под свист и шелест крыльев ночной птицы, пролетающей мимо форточки. Чтоб как в английских романах: «Было слышно, что сова вылетела из леса и задела когтями живую изгородь».

Под мерные завывания ветра, который гуляет по свету, выносит душное, сносит лишнее, заставляет беречься, дует и запрещает выходить из дома, запирает крест-накрест двери – надолго, надолго.

Под звук колыбельной, которую поют ребенку, или читают сказку, а ребенок возится, что-то спрашивает, смеется, роняет игрушки и одеяло.

Под шелест переворачиваемых страниц, когда кто-то читает рядом бумажную книгу, хихикает, старается не шуметь, хмыкает, шуршит карандашом – делает заметки.

Как хорошо засыпать, когда в ногах или у живота крутится юлой кошка или собака, устраивается поудобнее, а потом начинает так облизываться, что аж качает кровать.

Когда в соседней комнате кто-то молится без надрыва, или уютит пододеяльник и напевает, или целуется в сумерках.

Найти – понадобится карта:

в себе запрячусь и запрусь.
Смотри – зима начнется завтра,
а я, пожалуй, не начнусь³.

³ Кукла Саша Мисанова. Будет весна, 2014

Экзотика и нежность

Налейте в кастрюльку стакан бульона, порежьте две луковицы, добавьте три ложки томатной пасты, ложку муки, ложку масла, половину чайной ложки виноградного уксуса, перец, петрушку, базилик. Поварите минут десять и залейте бараньи шарики. Можно потушить кололаки в соусе еще минут 15. Это только читать долго, а делать очень быстро.

Теперь мы добились от баранины, чего хотели: экзотики и нежности. От жены бы так⁴.

Ездил в тот город, который моя Родина. Другой нет.

Раньше он пах морем, был почти ласковым, особенно иногда. А теперь раскаленный, об него можно поцарапаться, порезаться стеклом, ранки засыплет пылью. Здесь птицы не поют, деревья не растут...

Это город без экстерьера – ему плевать, как он выглядит снаружи, вся красота внутри офисов, квартир, магазинов – обои, диваны, плитка. Ламинат. Паркет. «Идеальная стяжка», «потолок, как яичко». А у людей в этих интерьерах наоборот: слишком много сил на то, чтобы выглядеть, и не остается на то, чтобы быть. На горах мусора щиты с рекламой бутиков Max Mara.

Город без силуэта, без пейзажа, без линии. Если где-то встретится натюрморт – хочется заключить его в рамку, сфо-

⁴ Вайль П., Генис П. Русская кухня в изгнании. М., 2007

тографировать как минимум. Город ударных строек, в тени которых еле заметны дома, которые помню я.

Дом, в котором выросла и жила тыщу лет, теперь оказался кривой пятиэтажкой, на нашем балконе болтается грязная тряпка и больше не вьется виноград.

Такое страшное ощущение машины времени: пока рядом с тобой те, кого не знал молодым, ты кажешься себе вечно-зеленой. А потом приезжаешь в город-призрак, встречаешь седых друзей, и хочется погладить их по седине из своей продолжающейся молодости. А мы ведь ровесники.

У нас во дворе жила дурочка, так, ничего, веселая – могла поддержать беседу о погоде и ценах на хлеб, дружила с кошками, ухаживала за цветами. На пару лет старше меня. Ее я тоже встретила – она поливала палисадник из шланга. Увидела меня, улыбнулась, и оказалось, у нее почти нет зубов. У ног трутся больные котята, косынку срывает ветром, полный сюр. Где она зубы-то растеряла?

Встреченные одноклассники стали похожи на своих родителей, у кого-то умер отец, у кого-то мать. Уже началось. Встретила свою первую любовь, и вторую, оказалось, я не научилась отпускать людей и разговаривать с теми, кого не разлюбила, тоже не умею. Волнуюсь, плету глупости. Значит, живая и, видите, не взрослею. «А ты не подумал, когда увидел меня, не подумал так: «Ндааа, а она постарела...»? Что ему было ответить?

На кладбище, где ничего не растет, просталась с двумя ас-

кетичными памятниками – мои бабушка и дедушка. На фарфоровых фотографиях они неожиданно веселые, улыбаются и как бы говорят: не парься, и это пройдет. Придать могиле ухоженный вид оказалось невозможно.

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места⁵.

Уже в поезде, сквозь сон не могла понять, откуда и куда еду, казалось, откуда-то из чужих стран – наконец-то домой, в тот город, увитый виноградом, пропахший морем, и это там, а не в Москве, на кухне мама моет черешню и персики.

И была там чашечка белая
Опять совершенно целая.
И лампа была
Не разбитая,
И мама была
Не сердитая...⁶

И где теперь моя родина?

⁵ Шпаликов Г. Я шагаю по Москве. Стихи, Проза, Драматургия. Дневники. Письма. М., 2017

⁶ Эмма Мошковская. Счастливый остров. М., 2003

21 октября

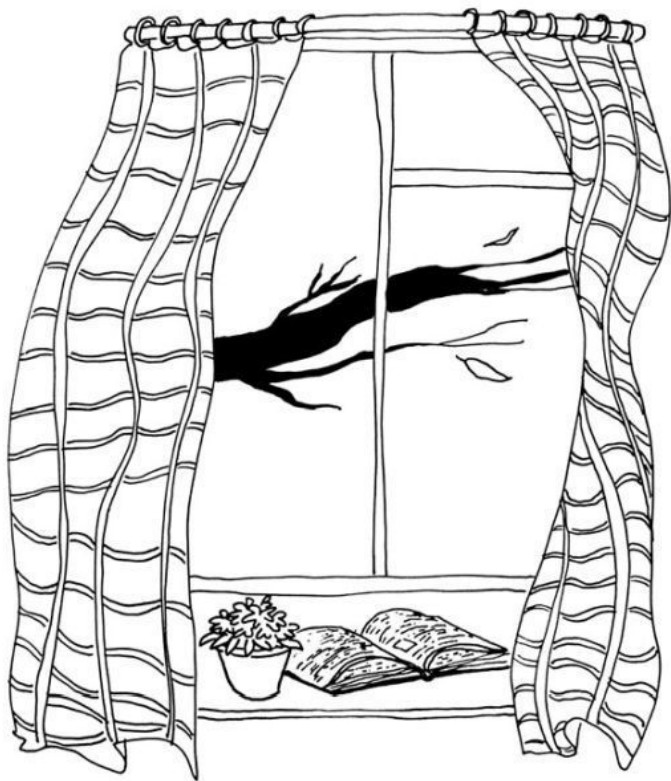
Ну что сказать 21 октября, когда до Нового года далеко, а летние впечатления почти стерлись? Впереди холода, темень и реагенты, которые скрипят на зубах.

Приготовилась было встречать золотую осень, а клен перед балконом облетел за вчерашнюю морозную ночь, первую в этом году (хорошо, что успели занести картошку), и когда просыпаешься – перед глазами не багрец, а грустные пятиэтажки. Теперь вся красота – под ногами, но за ней охотятся злые подметальщики, механические и живые. Не во что упереться глазом, и нет числа, которое, как маяк, светит во мраке накатывающей зимы.

Я в тоннеле личного существования, я в него так стремилась. «Коридоры кончаются стенкой, а тоннели выводят на свет». Владимир Высоцкий. Это и время года, и, видимо, возраст сказывается – стала скучать по бабушкам и их безусловной любви. Смотрю на окна, выбираю занавески, которые могли бы понравиться моей бабушке – чтоб льняные в клеточку, тяжелые, старой закалки. Представляю, как захожу в этот подъезд, сажусь под абажур. И как из окна видно голую ветку на фоне фиолетового сумеречного неба. И как руки еще холодные с улицы, а бабушка уже что-то греет на плите и открывает какую-нибудь банку с соленьем-вареньем, и подсовывает маленькие тапочки, и всплескивает руками:

«40-й? У тебя? Ну тогда надень дедушкины».

Я была единственной внучкой у всех четверых бабушек-дедушек, никого из них нет в живых, но сравнительно недавно я стала ощущать их любовь и одобрение. А может, просто стала больше в них нуждаться – и все придумала.

А еще я все больше понимаю папу, на которого сердилась с подросткового возраста – и раз больше не сержусь, значит, этот возраст наконец-то закончился. Теперь, когда отпустило, вижу, как завишу от фамильных черт, и успокоилась: раз папа не сделал чего-то, значит, не мог. Однажды, например, он не пришел на свой день рождения. Гости сидели за накрытым столом, ждали, потом съели приготовленное мамой, потом разошлись. А он не пришел. Теперь и я могу не дойти до стола. Борюсь с собой, но не всегда побеждаю. И все чаще, когда веду себя странно и приходится оправдываться, и никто не понимает, в голове мелькает: «Папа бы понял!» Но папа далеко. Иногда он звонит. Обычно по пятницам. А недавно позвонил в среду.

Я говорю:

– А в пятницу почему не позвонил?

– В пятницу еще не соскучился.

Мы с ним интроверты. Осенью мы обостряемся. И пазлы листьев под ногами имеют значение. Сложатся или нет. И с холода хочется куда-то, где ни о чем не спросят, а если спросят только: из какой черешни будешь компот? Из белой или из черной? Но последнее время нет даже подходящей занавески, чтоб представить.

Когда-то папа делал домашнее вино и вишневку. Густую, вкусную, как начинка швейцарской шоколадной конфеты и как любимый торт «Пьяная вишня в шоколаде» (по Лемку-

лю), который всегда пекся в августе на мой день рождения. А про вишневку папа говорил «женский напиток» и не позволял ее пить мужчинам. Это был первый алкоголь, который я попробовала в жизни. Училась смаковать и становилась румяной – снаружи и внутри. В вишневый сезон он ходил к вечеру на рынок, закупался ягодами и что-то там долго колдовал. Потом я уехала в Москву. И он сосредоточился на кислом мужском вине.

Приезжая, я спрашивала: «Вишневка осталась?» Папа куда-то шел, приносил бутылку с осадком на дне. Что означало, бутылка стоит с прошлого года. А может, с позапрошлого. И хранится только для меня. Потом кончилась и последняя бутылка. Я долго везде пробовала какие-то ликеры – всегда оказывалось не то.

«Я предпочитаю быть один, но рядом с кем-то», – сказал Довлатов. «Лучше будь один, чем вместе с кем попало», – советует Омар Хайям. Все очень запутанно.

В таком настроении заходишь в бар с целью, например, согреться. Смотришь карту и понимаешь – водку не хочу, коньяк не хочу, текилу сколько ж можно. Не хочу кислого, не хочу соленого.

– А настойку не хотите?

– Горькую?

– Почему горькую? Вишневая есть.

Радуешься, говоришь: принесите. Пьешь и о, да! – начинает подступать уверенность, что, пожалуй, эта зима не бу-

дет такой уж суровой. Что, пожалуй, ты с ней как-нибудь справишься. Что впереди кайфы, и ништяки, и пятницы. И праздники, и дни рождения козерогов.

– Па, а че ты вишневку не делаешь больше?

– А что, надо? Ну, теперь на следующее лето.

Кстати, да.

И лето.

Чистый восторг

Махачкалинский СПА – это оксюморон. Этого быть не может, это подлог. Весь мой опыт, вся теория и практика житья в Махачкале восстали против возможности существования СПА в этом городе, где все расслабляются подпольно. А на людях – профессионально демонстрируют благополучие и понты, не жалея ни людей, ни денег, ни, собственно, себя. Хасият такой.

Однако люстра, ЛЮСТРА – максимально гламурная и розовая, показавшая fuck всей окружающей махачкалинской серости, – люстра в холле сразу обнадежила. А потом в раздевалку, в халат, в хамам, в царство лазурных мозаичных потолков, журчания, плеска, приглушенного света, горячей воды, одноразовых трусов и искусственного снега.

А эта глина на теле! Глина, благоухающая травами, не знавшими пестицидов. А нездешняя музыка! Музыка, звуки которой словно капли горячего экзотического масла – прямо в основание шеи, туда, где давно все свело и болело. Релакс по-о-ойман, затвердевшие мышцы отта-а-а-аивают, из мозга испаряются черные мы-ы-ы-ысли, мы расслабля-я-я...

– Вахь! Дай Аллах здоровья моей невестке! Как хорошо, надо же! – голос с соседнего лежака разрезал целебный пар хамама, как хлебный нож. Будто в сон про парение в облаках ворвался brutальный сосед на «девятке»; как в меню тайско-

го ресторана мог бы ворваться хинкал.

– Дочки покупают мамам программы, – улыбнулась де-вушка, которая смывала с меня глину. – Взрослые женщины никогда не видели СПА, удивляются. Всегда что-нибудь смешное говорят.

Да разве ж это смешно?

– Никогда я так не наслаждалась водой, клянусь! – сказал другой голос с прекрасным, первозданным негородским акцентом. Точно такой был у моей учительницы русского языка и литературы, которая потом завела себе точку на Восточном рынке, где долго и счастливо торговала халатами, чем и прокормила всю семью, с мужем включительно.

Дальше мы все время пересекались на просторах СПА с этими женщинами, совсем не гламурными дагестанскими женщинами, которые лучше всех умеют трудиться и совсем не умеют отдыхать. Которые сами и заработают на хлеб насущный, и сами же его испекут. Они целые дни проводят на ногах, вкусно готовят, не делают проблемы из «накормить толпу гостей» в час ночи, а утром в свой выходной выбить пять ковров, помыть окна и сходить к больному родственнику. На них все и держится.

Они умудряются содержать семьи, откладывая дочкам на бриллиантовые серьги, покупать сыновьям машины и не покупать ничего себе. Но раз уж дочери подарили им модную штучку – «СПА-программу» и затолкали их сюда, – женщины добросовестно релаксировали: пили чай с мятой и лай-

мом, рассказывали про массаж и щекотку «от ванны», радовались бассейну и вдруг говорили «балдеж».

– В туалете даже музыка, смотри! Как в консерватории сидишь. Выходить забыла, слушала...

– Шкафчики в раздевалке видела? Как в нашем садике, только побольше.

– Мам, ты на чохский язык идешь со мной сегодня?

– Давай, да, не пойдем, Разийка.

– Ты этот снег видела? Там машинка стоит – тахь, тахь, падает с потолка. Говорят, лицо надо протирать.

И смеются.

Еще они переговаривались из разных комнат.

– Аминат, в клеенку завернули тебя уже? Мне делали, жарко стало!

– Кумушка, ты че там застряла? Домой пора! Пахать кто будет?!

– Кожа такая гладкая, сегодня одна спать даже не хочу, чтоб не пропадала.

– У меня теперь массаж вышел на первое место по удовольствию!

И смеются.

Самое несмешное было в конце, когда все одевались и понимали, что действительно пора вставать и уходить, а они уже мгновенно привыкли к хорошему.

– С ночевкой бывают тут у вас варианты? Чтоб остаться, программа есть?

– Если вы домой не придете, ваши мужья наш салон в окружение возьмут, – ответила сотрудница.

– Да прям! Нам же дочки подарок сделали, не мужья! – сказала одна женщина.

– Прошли те времена, когда они возбужали, – сказала другая. – 15 лет – они нас, всю жизнь – мы их.

– Че, правда? – сказала я.

– Конечно! – ответили женщины хором. – Ты не знала? Это же закон природы.

И смеются.

СПА в Махачкале, безусловно, существует. Он старается, создает эффект уединения, атмосферу любви к себе, держит оборону от суеты и пыли, демонстрирует люстру и чудодейственные эффекты электронных технологий и человеческих прикосновений. СПА существует и диссонирует с городом, не знающим ни покоя, ни отдыха. Диссонирует снаружи и изнутри.

Бабья осень

Стоим вчера на остановке, все туда набились, потому что дождь идет, с углов крыши текут четыре симметричных ручья, красиво, но холодно и мокро.

Девочка подошла в ботиночках с опушкой, я загрустила – нам их теперь до мая носить. И тут дед с рюкзаком – не модным кожаным, а с брезентовым рюкзаком, как у рыбаков, подходит к девушке и кричит таким образом, как кричат, когда живут со слабослышащим:

– Погодка, да? Бабье лето, видать, отменили!

Девушка достает один наушник, говорит: «Я вас не слышу». Затыкает обратно и отходит в сторону. Дедушка суется с тем же сообщением к заранее безнадежному парню, потому что тот стоит в больших наушниках шенхайзер и немножко танцует в такт своей музыке. Парень бессмысленно поулыбался. Дед был рад. Сделал еще одну попытку «Погодка, да?», но тетка этого даже не заметила – слушала, что ей в телефоне рассказывают. А дед не заметил, что она не заметила. У него истекла последняя возможность пообщаться с внешним миром.

Я ему улыбнулась как можно осмысленней.

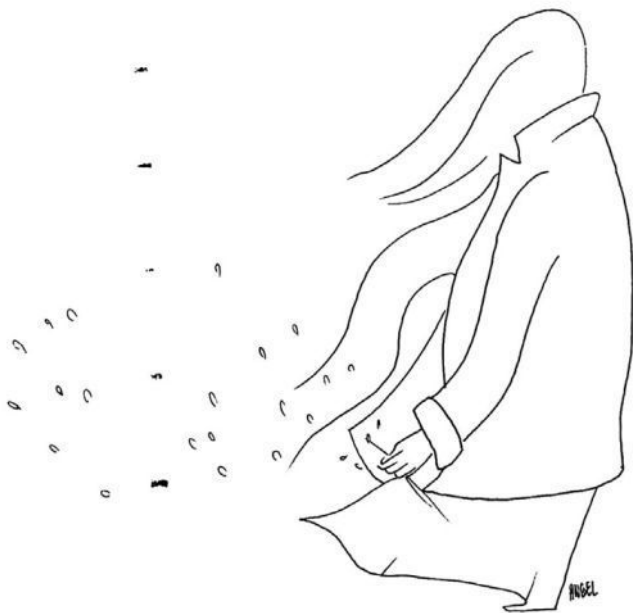
Потом подъехал автобус, мы все в него загрузились, дед стоит у окна, и по нему видно, что там, куда он едет, поговорить будет уже не с кем.

Захотелось закинуть его в те видосы, где старики танцуют на дискотеках. Но они все импортные – и те старики и видосы. В России нет мест, где они могли бы общаться между собой.

Психолог говорит, что раз я пишу про тех, кого мне жалко, – это ярко демонстрирует мою основную эмоцию – жалость к себе. Что я проецирую все эти жалостливые ситуации на себя. И он прав, конечно. Видимо, боюсь, что не танцевать мне на дискотеках в 85 лет.

Полгода зима

Зима как предчувствие

Настала пора потерянных рукавичек, простуд, катков и наряженных елок. И кого-то у метро уже встречают с санками. Очень завидно.

Выпал первый снег и так исхитрился, что напомнил детство и подарил-таки забытое ощущение обновления, обновления, принятого решения. Конец метаниям, вступаем в зиму и будем в ней жить. Дышать паром, разглядывать снежинки на рукаве, носить с собой перчатки, бальзам для губ и Strepsils. Очки и коробки с тортами будут запотевать, когда входишь с мороза. Но потом, конечно, оттаивать.

Если мокрую пуховую варежку положить на батарею, то вскоре она покрывается испариной, пух становится белесым и встает дыбом. А как хорошо ее будет потом надеть, перед выходом – сухую, горячую! С полозьев санок натекает лужица, штаны тоже надо сушить, а прежде чем вбежать в подъезд, лучше хорошенько потопать – снег стряхнуть и рабочее напряжение сбросить. Оставить за порогом. Зима.

В детстве я больше всего любила такие зимние дни, когда с утра сходишь к участковому врачу, он тебе скажет: «Больше горячего питья. И приходи через три дня за справкой». То есть болеешь вполне официально, но не так уж мучительно.

И выходишь из поликлиники, снег падает. На улице мало народу, а во дворах вообще никого нет – все в школе, а у тебя впереди целый день, нет, целых три, а если горло

останется красным, то и больше – дня свободы. Со сбитым режимом, поздними завтраками, сугробами на подоконниках, бело-белоснежным дневным светом в окна, сиреневыми сумерками и острым чувством свободы, когда можно задремать над книжкой и проснуться уже в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.